№ 1 (170). С. 17–23 **Литературоведение** **2018**
УДК 821.111
DOI: 10.15393/uchz.art.2018.3

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ДЬЯЧЕНКО
кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
irinady25@yahoo.com

О РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Т. С. ЭЛИОТА «CHORUSES FROM *THE ROCK*»

Цель данной работы – проанализировать произведение Т. С. Элиота «Choruses from *The Rock*» с точки зрения тех религиозно-философских традиций, которые легли в его основу. Новизна исследования заключается в том, что его объектом является наименее известное произведение Элиота, которое мало изучалось как в России, так и за рубежом. А между тем в данном произведении Элиот весьма интересно объединяет духовные традиции Запада и Востока, что и обуславливает актуальность работы. Биографический метод позволяет установить, как развивались религиозно-философские воззрения Элиота на протяжении жизни. С помощью историко-типологического и сравнительного методов удается установить то общее, что есть у восточных и западных религиозно-философских учений. С целью выявления элементов этих учений в поэме Элиота «Choruses from *The Rock*» текст анализируется с точки зрения композиции и образности. Определяется смысловое движение внутри текста – от дизъюнкции макрокосма и микрокосма к их полному единству. Делается вывод о том, что главной художественной задачей Элиота при работе над данным текстом была попытка объединения западных и восточных представлений о бытии, о месте человека во вселенной и о творчестве как духовном делании, возвышающем человека до состояния единства со всем сущим.

Ключевые слова: Т. С. Элиот, «Choruses from *The Rock*» («Камень: песнопения»), восточные религии, неоплатонизм, христианский мистицизм, макрокосм, микрокосм

Давно назрела необходимость рассмотреть произведение Т. С. Элиота «Choruses from *The Rock*» (в русском переводе – «Камень: песнопения») с точки зрения тех религиозно-философских традиций, которые легли в его основу. Данное произведение мало изучалось в зарубежном и отечественном литературоведении: критики не посвящали ему отдельных исследований и характеризовали его как некий промежуточный этап между ранними текстами Элиота, где основными мотивами являются дизъюнкция и хаос, и его поздним творчеством, в котором прослеживаются пути возможного синтеза, единения, гармонии. Отчасти невнимание критики к «Choruses from *The Rock*» связано с особенностями возникновения этого текста. Он представляет собой соединенные десять фрагментов из созданной Элиотом в 1934 году пьесы-мистерии под названием «Камень» («The Rock»). Эта пьеса была написана Элиотом на заказ, по случаю сбора средств на строительство церкви. Элиот, перешедший в англиканство в 1927 году, отозвался на просьбу организаторов строительства, несмотря на то, что переживал в тот момент творческий кризис. К тому времени он уже приобрел широкую славу как автор поэм «Бесплодная земля» (1922), «Полые люди» (1925) и «Пепельная среда» (1930). Теперь же он столкнулся с новым жанром, и сказался недостаток опыта: по собственному признанию Элиота, пьеса-мистерия «Камень» с драматургической точки зрения была проваль-

© Дьяченко И. А., 2018

ной, потому что ему не удалось создать персонажи, которые говорили бы самостоятельными голосами, независимыми от мнений автора [7: 228–229]. Именно по этой причине Элиот не стремился сохранить полный текст пьесы. Однако он принял решение выбрать десять монологов хора из пьесы и соединить их так, чтобы они образовывали художественное целое.

Насколько это была успешная попытка – вопрос открытый. Но есть исследователи, которые полагают, что Элиоту удалось добиться такой художественной целостности (при всей неизбежной структурной фрагментарности), что есть основания для жанрового определения этого произведения как драматической поэмы. К числу таких исследователей принадлежит Л. Н. Татаринова [3], специалист в области англоязычной религиозно-философской литературы. И, с нашей точки зрения, это мнение имеет под собой серьезное основание. Элиот был вполне честен со своим читателем: он оставил в названии произведения ясное указание на изначальную фрагментарность его природы. Произведение разделено на десять частей, и по этим внешним признакам оно скорее напоминает стихотворный цикл, чем поэму. Но мы, вслед за Л. Н. Татариновой, полагаем, что в данном случае именно содержание текста и его внутренняя композиция должны играть определяющую роль. В этой статье мы попытаемся осветить те особенности внутренней композиции данного текста, которые позволяют ему

существовать как художественное целое, в котором все части глубоко взаимосвязаны и подчинены единому религиозно-философскому замыслу.

Основная часть текста поэмы – это драматические монологи хора. Сразу отметим, что в своей эссеистике Элиот уделяет внимание хору как композиционному элементу драмы. Не случайно хор («Хор кентерберийских женщин») займет важное место в тексте религиозной драмы Элиота «Убийство в соборе» (1935). На «Choruses from *The Rock»* можно смотреть и как на подготовительный этап к написанию этой драмы. Между этими двумя текстами существует немало параллелей в образно-композиционном и тематическом (религиозно-философском) плане[1]. Однако нас интересует прежде всего то, как именно функционирует хор в изучаемом нами произведении.

Как известно, хор широко использовался в античных пьесах. Он давал комментарий, а также эмоциональную оценку происходящему на сцене (эти комментарии сопровождались песнопениями и танцами). Хор как существенный композиционный элемент встречается и в другие эпохи – например, в елизаветинской драме, где хор чаще всего представлен отдельным персонажем, который произносит пролог и эпилог в пьесе, а также время от времени делает поясняющие отступления, чтобы помочь зрителю следить за развитием действия. Интересно то, что в первой половине XX века хор как композиционный прием оказался востребован в модернистских произведениях. Помимо Элиота, здесь следует назвать англо-американского поэта У. Х. Одена, который использовал хор в рождественской оратории «For the Time Being» (1944). Также хор был задействован в произведениях Юджина О'Нила, Федерико Гарсии Лорки и Мигеля де Унамуно.

Уникальность текста «Choruses from *The Rock*» в том, что именно комментарий хора составляет основную часть текста. Комментарий, таким образом, вынесен на первый план, а само действие, вокруг которого выстраивается этот комментарий, происходит незримо, «за кулисами». Это оригинальное композиционное решение, очень модернистское по своей сути, представляло для Элиота серьезный творческий вызов. Нет сомнений в том, что он относился к этой задаче как к интересному литературному эксперименту.

Действием, вокруг которого выстраивается комментарий хора, является возведение храма. Таков внутренний сюжет поэмы. Комментарий хора, в котором выделяется несколько тематических пластов, коррелирует с этапами возведения храма. Можно сказать, что создающийся текст поэмы – это своеобразное зеркало возводимого храма. И как строительство сооружения начинается с фундамента и закладывания краеугольного камня, так и поэма начинается со своего философско-космологического основания:

The Eagle soars in the summit of Heaven,
The Hunter with his dogs pursues his circuit.
O perpetual revolution of configured stars,
O perpetual recurrence of determined seasons,
O world of spring and autumn, birth and dying!
The endless cycle of idea and action,
Endless invention, endless experiment,
Brings knowledge of motion, but not of stillness;
Knowledge of speech, but not of silence;
Knowledge of words, and ignorance of the Word. <…>
Where is the Life we have lost in living?
Where is the wisdom we have lost in knowledge?
Where is the knowledge we have lost in information?
The cycles of Heaven in twenty centuries
Bring us farther from God and nearer to the Dust. (P. 147)[2]

В этом вступлении обращает на себя внимание следующий момент: смысловым фоном для всего будущего действия является космологическое единство, макрокосм, внутри которого существует постоянное циклическое движение. Это вечное возвращение («perpetual recurrence») зиждется на принципе недвойственности, то есть гармоничного единства противоположностей («spring and autumn, birth and dying»).

Сразу возникает вопрос о том, каковы истоки этого образа космологического единства в рассматриваемом произведении. В молодые годы Элиот обучался в Гарварде, где, наряду с трудами западных философов, он изучал древнеиндийскую философию и санскрит. Дэвид Ногл, исследователь творчества Элиота, пишет:

Eliot's interest in Indian thought came largely through the influence of his teachers at Harvard, most notably Irving Babbitt, Charles Lanman, and James Woods. The most important influence in Eliot's Harvard days seems to have been Irving Babbitt whose system of thought was based upon the study of the Pali manuscripts, the earliest authentic Buddhist documents [11].

Таким образом, речь идет не о поверхностном, а об очень серьезном интересе, который Элиот проявлял к культуре Древней Индии. Неудивительно, что в его поэзии обнаруживаются отсылки к Упанишадам, Йога-сутрам Патанджали, Бхагавад-Гите, а также к буддийским текстам. В 1933 году Элиот признался в том, что его познания в области западной философии не столько помогали, сколько мешали ему в его систематических занятиях восточной философией:

Two years spent in the study of Sanskrit under Charles Lanman, and a year in the mazes of Patanjali's metaphysics under the guidance of James Woods, left me in a state of enlightened mystification. A good half of the effort of understanding what the Indian philosophers were after – and their subtleties make most of the great European philosophers look like schoolboys – lay in trying to erase from my mind all the categories and kinds of distinction common to European philosophy from the time of the Greeks. My previous and concomitant study of European philosophy was hardly better than an obstacle [11].

Тем не менее был один западный философ, который, наоборот, помогал молодому Элиоту в его философских исканиях. Речь идет об английском философе Ф. Брэдли, в трудах которого можно заметить немало параллелей с индийской философией (в частности, с буддизмом). Исследователи творчества Элиота Дж. М. Перл и Э. П. Такк отмечают: «He found in certain Buddhist schools, as he was finding in F. H. Bradley, an option which he believed to be unavailable in the range of previous European philosophy…» [12: 117]. Труды Брэдли углубили в сознании Элиота представление о космологическом единстве как Абсолюте. Но по мере усиления интереса Элиота к христианству все большее влияние на него начал оказывать неоплатонизм.

Неоплатонизм (прежде всего учение Плотина) справедливо считают колыбелью христианской философии. В неоплатонизме соединились элементы разных учений, в том числе восточных, но его основой является идеализм Платона. Согласно Плотину, все сущее происходит от Единого, некоего первоначала. Благодаря многоступенчатой эманации первоединого начала возникают мировой разум («нус») и мировая душа («психэ»), а дальше – мир явлений, земной мир. Е. А. Торчинов пишет: «Единое неоплатоников – Абсолют, который превыше всех определений, понятий и категорий. Единое выше бытия, источником которого является. Оно преступает пределы всего и принципиально неописываемо и невыразимо. Вместе с тем все существует лишь вследствие своей причастности единству, хотя само Единое запредельно любому существованию» [5: 473].

Каждый следующий этап эманации «отходит» от Единого все дальше в том смысле, что все труднее распознавать Единое в нем. Так, материальный мир рассматривается в рамках неоплатонизма как низшая эманация, в которой уже почти не осталось «реального», то есть в которой едва распознается связь с Единым. Особое положение в контексте неоплатонизма занимает человеческая душа. Она амбивалентна. С одной стороны, она может быть настолько порабощена материальным миром, что связь между ней и Единым практически утрачивается. С другой стороны, душа, пройдя через очищение (катарсис) и вспомнив о Едином, способна начать свое восхождение обратно к Нему, которое неоплатоники называют возвращением домой. Более того, достигнув высочайшей точки своего развития, душа способна слиться с Единым (экстаз).

Неоплатонизм оказал сильнейшее воздействие на раннехристианскую философию (Св. Августин, отцы-каппадокийцы, Эриугена и др.). Но особенно существенным было влияние неоплатонизма на христианский мистицизм (Дионисий Ареопагит, Мейстер Экхарт). Поэтому неудивительно, что Элиот, создающий произведение, пропитанное христианско-мистическими идеями, начинает свою поэму с образа макрокосма – того Единого, в котором сходятся все противоположности.

Однако в 1-й части поэмы в это Единое не вписан человек, то есть микрокосм. В характеристиках, которые здесь даются человеку и его миру, звучат мотивы дизъюнкции, разобщенности, дуализма и противостояния. Так, движение человека («motion») не едино с его неподвижностью, покоем («stillness»), а речь («speech») – с молчанием («silence»). Гармоничное равновесие противоположных начал болезненно нарушено: мы видим доминирование одного явления над другим. Непривилегированный член оппозиции («stillness», «silence») даже может исчезнуть из человеческого мира совсем: для него не находится места в цивилизации, зараженной материализмом и эгоизмом. И когда хор сетует на утрату подлинной жизни и мудрости в современном мире, он говорит именно о потерянной мудрости недвойственности[3]. А мотив удаления от Бога («bring us farther from God») – это, несомненно, отголосок представлений о низшей эманации в учении Плотина.

Итак, строительство храма должно начаться в том мире, который отвергает, изгоняет Бога. Но само строительство, уровень за уровнем, должно будет, по замыслу Элиота, стать той «лестницей», по которой человеческая душа сможет осуществить свое восхождение к Единому. Строительство не может начаться без закладывания краеугольного камня, и Элиот, обращаясь к христианской символике, вводит в текст драматической поэмы персонаж по имени Камень (The Rock):

> The Rock. The Watcher. The Stranger.
> He who has seen what has happened
> And who sees what is to happen.
> The Witness. The Critic. The Stranger.
> The God-shaken, in whom is the truth inborn. (P. 148)

Текст Библии, христианская иконография указывают на то, что Камень – это Христос («Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мк 12:10)). Те определения, которые Элиот дает Христу («the Witness» – «свидетель», «the Watcher» – «наблюдатель»), подтверждают глубокий интерес этого автора к восточным учениям. В Упанишадах (напр., Шветашватара-упанишада) «свидетелем», «наблюдателем» именуется Атман, то есть высшее сознание, единое для всех людей, для всех живых существ. По сути, Атман означает высшее Я в древнеиндийских текстах, и мы полагаем, что Элиот, хорошо знакомый с древнеиндийской культурой, называет Христа «Свидетелем», отождествляя его с высшим сознанием, с Атманом Упанишад. Подобное отождествление возможно благодаря тому, что Иисус в Евангелиях сам постоянно говорил не от лица исторической личности, а от лица высшего Я, сопоставимого с древнеиндийским Атманом. Так, ключевые слова Христа «Я и Отец – одно»

(Ин 10:30) являются зеркальным отражением одного из ведийских «великих речений»: «Атман есть Брахман». Эта формула выражает тождество универсального субъективного (Атман) и объективного (Брахман) начал, и она в различных вариациях встречается во многих Упанишадах (напр., Брихадараньяка-упанишада I 4, 10; Тайттирия-упанишада I 5, 17 и др.). На трансперсональную, вселенскую самоидентификацию Христа указывают и такие его слова, как: «…прежде нежели был Авраам, Я Есмь» (Ин 8:58). В том же ключе понимает природу Христа и апостол Павел. Например, он рассуждает о «теле Христове» как обо всем тварном мире и об «уме Христове», который, подобно высшему сознанию Упанишад, является общим для живых существ (об этом дальше мы скажем подробнее).

Обращает на себя внимание и такая интересная деталь: при переводе десяти Упанишад на английский язык У. Б. Йейтс, ирландский поэт, крупнейший представитель высокого модернизма (наряду с Т. С. Элиотом, Эзрой Паундом и Дж. Джойсом), неоднократно использует слово «rock» («камень») в значении «высшее Я», «Атман». Приведем несколько примеров:

> When man finds invisible, nameless, homeless, shapeless, invulnerable rock, he is no longer terrified [16: 72];
> He who knows it stands on a rock; commands everything, enjoys everything… [16: 76];
> All creatures have their root in that Being. He is their rock, their home [16: 91].

Перевод Йейтса был осуществлен в 1937 году, то есть незадолго до смерти. Это перевод, который, как мы полагаем, пытался сделать Упанишады более близкими для западного читателя. Возможно, на Йейтса даже в какой-то степени повлияло творчество Элиота. Во всяком случае, сам Йейтс упоминает Элиота в предисловии к своему переводу: «But now that “The Golden Bough” has made Christianity look modern and fragmentary we study Confucius with Ezra Pound, or like T. S. Eliot find in Christianity a convenient symbolism for some older or newer thought…» [16: 10]. Таким образом, Йейтс также полагал, что символический язык христианства для Элиота являлся возможностью раскрыть «более древнюю мысль», мысль Упанишад.

Постижение Атмана в своем сердце (адвайта веданта) сопоставимо с практикой пребывания в чистоте сознания в других восточных духовных учениях. В буддизме и даосизме центральным является представление об «уме-зеркале», такое качество сознания считается высшим достижением практикующего [13], [14]. Это сознание, которое очищено, с одной стороны, от аффектов, желаний, предпочтений, а с другой – от концепций, мнений и оценок, от дискурсивного мышления. Такое сознание наблюдает мир и себя, свидетельствует о реальности того, что есть[4]. Восточные духовные учения отрицают возможность постижения истинной реальности рассудком, интеллектом. Реальность как целое находится вне любых конструктов ума, которые способны лишь раздробить это целое на фрагменты. Единственное, что можно делать с реальностью, не искажая ее, – это свидетельствовать о ней. При этом «свидетель», «наблюдатель» осознает свое полное единство с реальностью, благодаря чему деконструируется бинарная оппозиция «субъект – объект». Можно сказать, что подобная духовная практика предполагает деконструкцию дуалистического мировидения как такового.

Элиот не только не отделяет учение Христа от древних восточных традиций, но считает Благую Весть некой кульминацией в истории духовных практик мира. И, конечно, Элиот здесь далек от узкоортодоксального взгляда на тексты Нового Завета. Приведем конкретный пример того, как учение Христа может быть интерпретировано не в отрыве от древних традиций Востока, а в единстве с ними. Обращаясь к Пилату, Христос говорит: «Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине…» (Ин 18:37). Элиот не мог не видеть тут сходства с Атманом-«свидетелем» в древнеиндийских текстах. Христос говорит Пилату не о какой-то абстрактной «истине», которая может быть выражена в понятиях, сформулирована в словах (логоцентризм западной метафизики), а о самой реальности бытия (истина в высшем смысле) и о качестве сознания, подобного чистому зеркалу («сознание-свидетель»). Это свободное, открытое сознание воспринимает истину бытия, ни в чем не искажая ее. Из ранних последователей Христа апостол Павел сумел это понять лучше других, когда в своих посланиях сделал акцент на «уме Христове» (1 Кор 2:16). И мы полагаем, что Элиот видел «ум Христов» ап. Павла и «ум-зеркало» восточных учений как попытки выразить нечто единое на языке разных культур.

В том же ключе можно интерпретировать и другое определение, данное Христу в поэме, – «the Critic». Пребывая в совершенном состоянии сознания, в «уме-зеркале», Христос тем самым указывает людям на нехватку осознанности в их жизни, на их тотальную погруженность в бессознательное или в неочищенное, искаженное сознание, которое порабощает их. Критика Христа направлена на мышление, замкнутое на самом себе и изолированное от реальности, от истины бытия. Деконструируя подобный тип мышления, Христос, по мысли Элиота, являет собой другой путь, альтернативу, размыкающую и освобождающую сознание человека. Христос указывает людям на необходимость «возвращения домой» (в терминах неоплатонизма), то есть возвращения к истине-реальности (Ин 8:32: «…и познаете истину, и истина сделает вас свободными»).

В монологе Камня-Христа, предваряющем начало строительства, звучат слова, которые Элиот

специально выделяет курсивом: «I say to you: *Make perfect your will*». Но зачем было сделано это выделение, станет понятно позже. В 7-й части Элиот пишет:

> Then came, at a predetermined moment, a moment in time and of time,
> A moment not out of time, but in time, in what we call history: transecting, bisecting the world of time, a moment in time but not like a moment of time,
> A moment in time but time was made through that moment: for without the meaning there is no time, and that moment of time gave the meaning. (P. 160)

Для Элиота таким «мгновением во времени», которое «рассекает время надвое», является приход в мир Христа и его учения. Элиот понимает это учение в соответствии с духом христианского мистицизма. Ап. Павел, величайший христианский мистик, говорил: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал 4:19). Итак, Христос должен «изобразиться» в строителях будущего храма в поэме Элиота для того, чтобы созидание могло быть осуществлено. И в 8-й части поэмы происходит это «изображение»: хор повторяет слова Христа-Камня из 1-й части, но уже от своего имени: «Let us therefore make perfect our will» (P. 163).

Смысл этих слов в том, чтобы полностью соединить свою волю с волей Бога и таким образом отказаться от своей воли как таковой («Да будет воля Твоя» (Мф 6:10); «Не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк 22:42)). Воля Бога – это пребывание всего сущего именно таким, каково оно есть («Я есмь Сущий» (Исход 3:14)). Отказ от своей воли означает осознание иллюзорности своего «я» («Отвергнись себя…» (Мф 16:24)), то есть осознание нелепости претензии на существование в качестве отдельной сущности. Благодаря этому осознанию человек входит как свидетель, наблюдатель в единство бытия, в реальность того, что есть («второе рождение»). И этот свидетель наблюдает не что иное, как свое единство с бытием («Я и Отец – одно» (Ин 10:30)). Это ядро учения Христа, которое, как мы уже отметили, имеет интересные параллели в даосизме, буддизме и других восточных учениях. Иными словами, это универсальная формула духовного совершенства.

И когда хор произносит вслед за Христом: «Let us therefore make perfect our will», он говорит от имени всех тех людей, которые осознали учение Христа во всей полноте. Именно о таких людях апостол Павел сказал, что они «имеют ум Христов» (1 Кор 2:16). Строителям будущего храма необходимо обрести «ум Христов» для того, чтобы этот храм человеческого духа был создан. Ап. Павел в своих посланиях призывает людей осознать, что они сами являются живым храмом (1 Кор 3: 16), и говорит: «…преобразуйтесь обновлением ума вашего…» (Рим 12: 2). Такое преображение и происходит в финале 8-й части, что является переломным моментом в поэме.

Следующая (9-я) часть начинается со слов «Сын Человеческий» («Son of Man». P. 164), но это обращение не к личности Христа, а к каждому человеку, в котором «изобразился ум Христов». Такой человек готов к творчеству, которое мыслится Элиотом как сотворчество человека и Бога. Под этим творчеством понимается, прежде всего, освоение внутреннего пространства духа, которое символически представлено в тексте в образе возводимого храма. И краеугольным камнем храма является не сознание, пытающееся перестроить мир под себя, а «ум-зеркало», сознание-свидетель, «ум Христов», в отношении которого с миром оппозиция «субъект – объект» полностью снимается.

Данная часть поэмы, целиком посвященная теме творчества, является кульминационной. В акте творчества проявляются подобие и единство человека и Бога: «The Lord who created must wish us to create» (P. 165). Таким образом, и само творение мыслится Элиотом как незавершенное, вечно продолжающееся. И теперь человек – микрокосм, обладающий «совершенной волей», – входит в единство бытия как его неотъемлемая часть и продолжает творение, начатое Богом. В этой же части поэмы человек именуется местом встречи видимого и невидимого, тела и духа («…spirit and body. Visible and invisible, two worlds meet in Man». P. 165). Так Элиот подготавливает читателя к заключительной части своего произведения, лейтмотивом которой является мотив всеединства.

В 10-й части поэмы храм уже возведен. И вновь, как и в 1-й части, изображается макрокосм, содержащий в себе единство противоположностей. Эти противоположные начала (например, свет и тьма) снова переходят одно в другое в бесконечно повторяющихся циклах, поэтому можно сделать вывод о том, что данное произведение Элиота имеет кольцевую композицию. Однако существенное отличие финала поэмы от ее вступления – это включенность человека в макрокосм, его гармоничное единство со всей вселенной. Символом всеединства в данной части поэмы для Элиота становится Незримый Свет («Light Invisible». P. 166), который одновременно трансцендентен и имманентен по отношению ко всему сущему (ср. с Упанишадами, в которых Брахман описывается как находящийся одновременно внутри мира и вне его). Символика света также связывает текст Элиота с традицией неоплатонизма. Незримый Свет эманирует в видимый свет, который поэт еще называет «меньшим» и «маленьким светом» («our little light». P. 167).

С нашей точки зрения, главной художественной задачей Элиота при работе над текстом «Камня» была именно попытка объединения западных и восточных представлений о бытии, о месте человека во вселенной и о творчестве как о духовном делании, возвышающем человека

до состояния единства со всем сущим. Элиот сам прокомментировал свой подход к философско-религиозным традициям Запада и Востока следующим образом:

There are some readers who… regard Asiatic literature as the sole repository of religious understanding; there are others who… refuse to venture further than a narrow Christian tradition. For both kinds of reader, it is salutary to learn that the Truth… is not wholly confined to their own religious tradition, or on the other hand to an alien culture and religion… I am aware also that there are readers who persuade themselves that there is an 'essence' in all religions which is the same, and that this essence can be conveniently distilled and preserved… Such readers may perhaps be reminded that no man has ever climbed to the higher stages of the spiritual life, who has not been a believer in a particular religion or at least a particular philosophy… [12: 121].

Мы согласны с исследователями Дж. М. Перлом и Э. П. Такком, которые обращают внимание на многоголосье культурных традиций, на множественность точек зрения внутри них как на саму природу поэтического творчества Элиота:

For Eliot, that one standpoint was not a synthesis of all possible views but a complex interrelation of all actual views--of those perspectives which have occupied a significant place in a cultural tradition. … a long, rich cultural tradition is multivocal and replaces the concept of simple semantic meaning with notions of relationship, place, and contextual significance. … For Eliot, truth is not formulable; culture is multivocal; and tradition is an ordering of many, often discordant truths, arrived at from a multitude of perspectives [12: 123–125].

Завершая анализ произведения «Choruses from *The Rock*», нельзя не заметить, что включенность человека в макрокосм, выражаемая через образ света, роднит произведение Элиота с «Божественной комедией» Данте, творчество которого основывалось на неоплатонизме. В финале «Божественной комедии» мистик видит духовным взором ослепительное сияние, Вечный Свет, а внутри него – образ человека. И мы полагаем, что данный образ также вдохновлял Элиота на протяжении его работы над текстом «Choruses from *The Rock*».

Различны ли у Элиота видимый свет и Свет Незримый? И да, и нет. Эти «да» и «нет» несут в себе всю полноту своей противоположности, образуя живое единство. В этом для Элиота состоит великая тайна духа, к постижению которой его приблизили восточные учения, неоплатонизм и христианский мистицизм.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Так, одним из важных мотивов в пьесе «Убийство в соборе» является мотив свидетельствования, который раскрывается в тексте благодаря хору. Например: "Some presage of an act / Which our eyes are compelled to witness, has forced our feet / Towards the cathedral. We are forced to bear witness." (Цит. по: Элиот Т. С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. На рус. и англ. яз. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 238). Мотив свидетельствования, как мы увидим, играет не меньшую роль и в тексте «Choruses from *The Rock*». Другой центральный мотив, который объединяет эти два произведения, – это мотив гармоничного макрокосма, космологического единства, в котором разрешаются все дуалистические противоречия. В пьесе «Убийство в соборе» особенно показательной в этом смысле является песнь хора, обращенная к Богу, из финала произведения: «We praise Thee, O God, for Thy glory displayed in all the creatures of the earth, / In the snow, in the rain, in the wind, in the storm; in all of / Thy creatures, both the hunters and the hunted. / For all things exist only as seen by Thee, only as known by Thee, all things exist / Only in Thy light, and Thy glory is declared even in that which denies Thee; the darkness declares the glory of light» (Там же. С. 356). Точно так же, как и в тексте «Choruses from *The Rock*», в пьесе «Убийство в соборе» движение к этому абсолютному синтезу, отождествляемому со славой Божией, происходит через преодоление ужаса дизъюнкции, хаоса, богоотступничества.

[2] Eliot T. S. The Complete Poems and Plays. London: Faber & Faber, 2004. Далее цитируется по этому изданию с указанием страницы в круглых скобках.

[3] Рассмотренный монолог хора из 1-й части «Choruses from The Rock» перекликается с известным фрагментом из заключительной части поэмы «Полые люди» (1925): «Between the idea / And the reality / Between the motion / And the act / Falls the Shadow / Between the conception / And the creation / Between the emotion / And the response / Falls the shadow…» (Цит. по: Элиот Т. С. Избранная поэзия. Поэмы, лирика, драматическая поэзия. На рус. и англ. яз. СПб.: Северо-Запад, 1994. С. 144–146). В этом более раннем тексте речь также идет об утраченной мудрости недвойственности. Можно найти множество других примеров, подтверждающих, что Элиот возвращался к данной проблеме на протяжении всего творческого пути.

[4] Из буддийского текста: «Что касается свойств субстанции пробужденного сознания, то… они подобны свойствам пустого пространства и сходны с чистым зеркалом» (Цит. по: Трактат о пробуждении веры в махаяну // Философия китайского буддизма. СПб.: Азбука, 2016. С. 73). Из даосского текста: «Еще скажем, что телом слит с великим единством. В великом единстве лишен собственного "я"… Наблюдающие за бытием – таковы благородные мужи древности; наблюдающий за небытием – таков друг природы» (Цит. по: Чжуанцзы. СПб.: Пальмира, 2017. С. 111).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аствацатуров А. А. Т. С. Элиот и его поэма «Бесплодная земля». СПб., 2000. 240 с.
2. Зверев А. М. Модернизм в литературе США. М., 1979. 320 с.
3. Татаринова Л. Н. Трансформация жанра средневековой мистерии в творчестве Т. С. Элиота [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zar-literature.ucoz.ru/publ/tatarinova_l_n/transformacija_zhanra_srednevekovoj_misterii_v_tvorchestve_t_s_ehliota/4-1-0-92 (дата обращения 17.09.2017).
4. Торчинов Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного. СПб.: Азбука-классика, 2007. 480 с.
5. Торчинов Е. А. Путь запредельного: Религии мира. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Пальмира, 2017. 540 с.
6. Упанишады / Пер. предисл. и коммент. А. Я. Сыркина. Т. 2. М.: Наука, 1991. 336 с.

7. Элиот Т. С. Назначение поэзии. М.: Совершенство, 1997. 350 с.
8. Bradley F. H. Appearance and reality: a metaphysical essay. London, 1916. 621 p.
9. Inge W. R. Christian mysticism. Available at: http://www.gutenberg.org/ebooks/14596 (accessed 17.09.2017).
10. Inge W. R. Mysticism in religion. Available at: https://archive.org/details/mysticismminrelig029411mbp (accessed 17.09.2017).
11. Naugle D. The Intellectual and Religious Development of T.S. Eliot Reflected in Selected Readings of His Poetry. Available at: https://www3.dbu.edu/naugle/pdf/ts_eliot.pdf (accessed 19.09.2017).
12. Perl J. M., Tuck A. P. The Hidden Advantage of Tradition: On the Significance of T. S. Eliot's Indic Studies // Philosophy East & West. 1985. April. Vol. 35. No 2. P. 116–131.
13. Suzuki D. T. Essays in Zen Buddhism. Available at: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.104054 (accessed 19.09.2017).
14. Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism. Available at: http://spiritual-minds.com/easternrelgions/zen/manual_zen.pdf (accessed 19.09.2017).
15. The new Cambridge companion to T. S. Eliot. Ed. by J. Harding. Cambridge University Press, 2016. 206 p.
16. The ten principal Upanishads. London: Faber & Faber, 1952. 159 p.

Dyachenko I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL FOUNDATION OF T. S. ELIOT'S "CHORUSES FROM *THE ROCK*"

The goal of this paper is to study T. S. Eliot's "Choruses from *The Rock*" from the perspective of those religious and philosophical traditions on which this text is based. This Eliot's text, which has been given little attention both in Russia and abroad, is the object of our research. Eliot effectively unites Western and Eastern spiritual traditions in "Choruses from *The Rock*"; therefore, this paper belongs to the realm of topical research. The biographical method allows the author to trace the development of Eliot's philosophical and religious views throughout his life. The historico-typological and comparative methods help to outline common grounds for Eastern and Western religious and philosophical teachings. To detect the elements of these teachings in Eliot's "Choruses from *The Rock*", this text is analyzed in terms of structure and imagery. The evolution of the meaning in the text is defined as a movement from the disjunction of macrocosm and from microcosm to their absolute unity. The author comes to a conclusion that Eliot's intention in regard to "Choruses…" was to unify Western and Eastern concepts of being, to identify the place of a human in the universe, to approach human creative activity as a kind of spiritual practice, which elevates a human being to the state of oneness with all things in existence.

Key words: T. S. Eliot, "Choruses from *The Rock*", Eastern religions, Neoplatonism, Christian mysticism, macrocosm, microcosm

REFERENCES

1. Astvatzaturov A. A. T. S. Eliot and his poem "Wasteland". St. Petersburg, 2000. 240 p. (In Russ.)
2. Zverev A. M. Modernism in USA literature. Moscow, 1979. 320 p. (In Russ.)
3. Tatarinova L. N. Transformation of medieval genre of mystery-play in T. S. Eliot's work. Available at: http://zarliterature.ucoz.ru/publ/tatarinova_l_n/transformacija_zhanra_srednevekovoj_misterii_v_tvorchestve_t_s_ehliota/4-1-0-92 (accessed 17.09.2017) (In Russ.)
4. Torchinov E. A. Ways of Eastern and Western philosophy: cognizing Other-worldly. St. Petersburg, 2007. 480 p. (In Russ.)
5. Torchinov E. A. Way of Other-worldly: World religions. Psychotechnics and transpersonal states. St. Petersburg, 2017. 540 p. (In Russ.)
6. Upanishads. Translation, introduction and commentary A. Ya. Syrkina. Vol. 2. Moscow, 1991. 336 p. (In Russ.)
7. Eliot T. S. Use of poetry. Moscow, 1997. 350 p. (In Russ.)
8. Bradley F. H. Appearance and reality: a metaphysical essay. London, 1916. 621 p.
9. Inge W. R. Christian mysticism. Available at: http://www.gutenberg.org/ebooks/14596 (accessed 17.09.2017).
10. Inge W. R. Mysticism in religion. Available at: https://archive.org/details/mysticismminrelig029411mbp (accessed 17.09.2017).
11. Naugle D. The Intellectual and Religious Development of T. S. Eliot Reflected in Selected Readings of His Poetry. Available at: https://www3.dbu.edu/naugle/pdf/ts_eliot.pdf (accessed 19.09.2017).
12. Perl J. M., Tuck A. P. The Hidden Advantage of Tradition: On the Significance of T. S. Eliot's Indic Studies // Philosophy East & West. 1985. April. Vol. 35. No 2. P. 116–131.
13. Suzuki D. T. Essays in Zen Buddhism. Available at: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.104054 (accessed 19.09.2017).
14. Suzuki D. T. Manual of Zen Buddhism. Available at: http://spiritual-minds.com/easternrelgions/zen/manual_zen.pdf (accessed 19.09.2017).
15. The new Cambridge companion to T. S. Eliot. Ed. by J. Harding. Cambridge University Press, 2016. 206 p.
16. The ten principal of Upanishads. London: Faber & Faber, 1952. 159 p.

Поступила в редакцию 08.12.2017